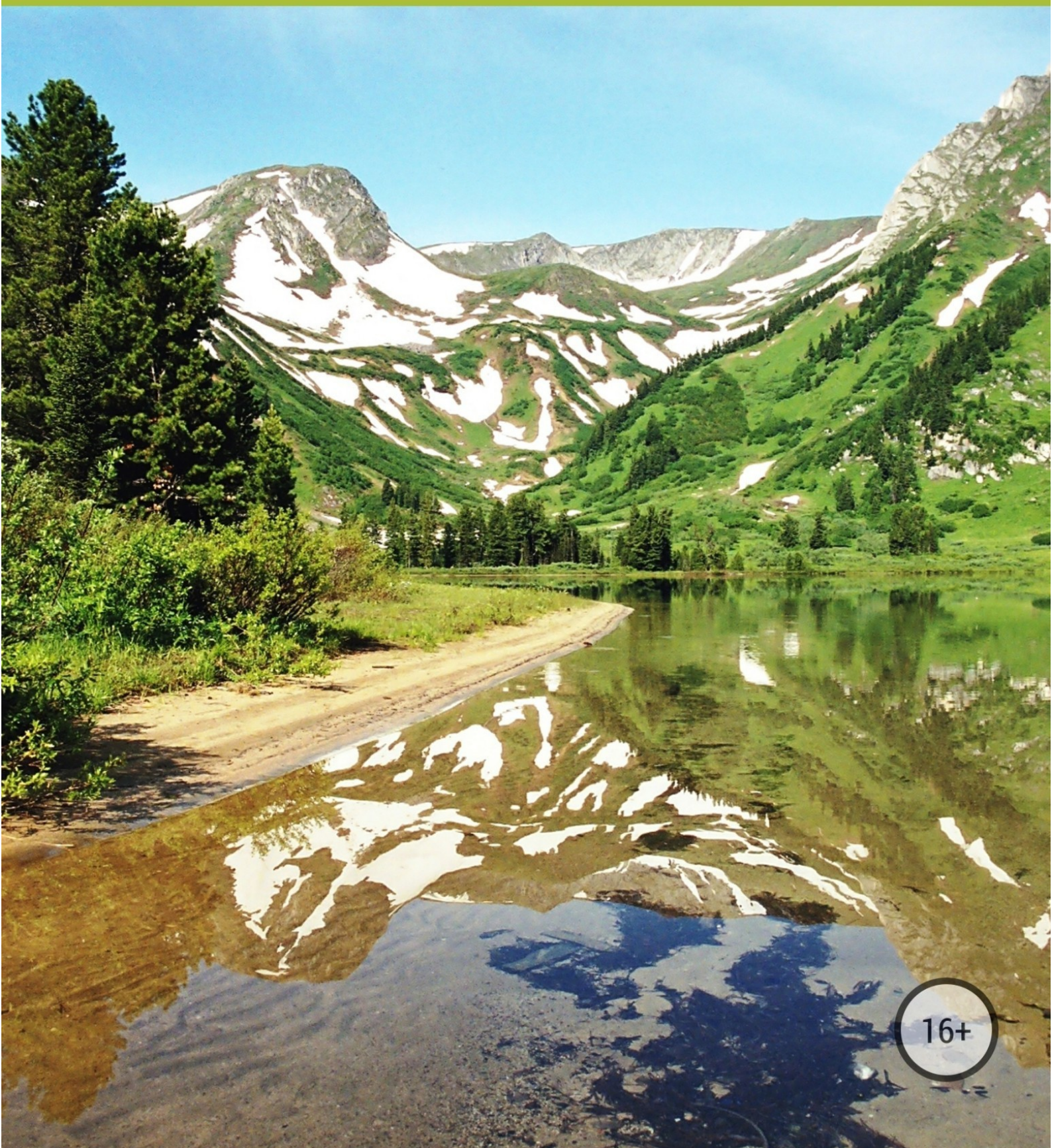

Сергей Паршуткин

Снега моей души

16+

Сергей Паршуткин
Снега моей души

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Паршуткин С. В.

Снега моей души / С. В. Паршуткин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Книга состоит из небольших рассказов и повестей, и написана автором, который более тридцати лет совершал путешествия по Саянам, Алтаю и Северо-Востоку России. Вы сможете увидеть эти красивейшие и мистические места глазами автора, и пережить драматические или веселые события вместе с героями. Стиль автора позволит вам погрузиться в атмосферу рассказа, и стать участниками этих необыкновенных экспедиций вместе с его героями. Приятного вам чтения! Содержит нецензурную брань.

© Паршуткин С. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Камни реки Кинзелюк	5
Пролог	5
1. Штурман	7
2. Берег	10
3. 6000 шагов	12
Эпилог	15
Плот	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Камни реки Кинзелюк

Пролог

...вздрыгнул и открыл глаза. Перед его креслом стояла стюардесса.

– Застегните, пожалуйста, ремень, скоро посадка, – сказала она, и виновато улыбнулась.

«Чёрт бы тебя побрал, только заснул», – раздраженно подумал он и, чуть повернув голову, посмотрел на соседнее с ним место. Жена спала. Взгляд его скользнул вниз. Ремень её кресла был застёгнут...

«Сколько лет уже вместе, а никак не привыкну к её предусмотрительности», – он раздраженно выпятил губу и отвернулся к иллюминатору.

Далеко внизу медленно проплывали облака, изредка открывая разноцветное лоскутное одеяло земли. Мысли вернулись к проведённому отпуску...

Море его измотало. Толпы на пляжах, очереди потных, раздраженных людей в кафе и всевозможных столовых – «обжорках» – выводили его из себя, и на второй день отпуска он не выдержал. На утренний автобус, идущий к морю из аула, где они снимали домик, он не пошёл. Жена равнодушно выслушала его монолог о потных шеях и стадах отдыхающих, липкой воде моря и пропахшем шашлыками побережье, хмыкнула, и отправилась на остановку автобуса одна.

Долго валяться в постели он не смог. Выйдя на кухню, взял кусок хлеба, отрезал колбасы, завернул всё это в пакет, и вышел во двор. Солнце уже пекло. Над далёким морем стояло знойное морево.

Облегчённо вздохнув, он начал спускаться к речке Псезуапсе, что протекала рядом с аулом. Её изумрудно-синие струи манили своей прохладой, но он не торопился. Степенно, смакуя каждое движение, стал собирать хворост для костра.

«Искупаться, дорогой, мы успеем, надо сначала устроить лагерь, – подумал об этом и улыбнулся. – Какой здесь, к черту, бивак. Не тайга ведь...»

Странное чувство чуть шевельнулось у него в душе.

Что-то знакомое, привычное, но ещё неуловимое... Он нахмурился. Привыкший к четкой постановке задач, он не любил неясностей и неопределённостей. «Ладно, разберёмся...»

Костерок он сделал маленький, как будто экономя, какой привык делать в тундре или в горах, хотя хвороста насобирав прилично. Скоро на прутиках аппетитно зашкварчали куски колбасы. Но есть не хотелось, и он оставил это занятие на потом.

Посмотрел на горы, встал и медленно пошёл к воде. И снова это чувство...

И тогда, словно отмахиваясь от непонятных ощущений, он разбежался и, резко оттолкнувшись от берега, прыгнул в прохладу потока. Струя немедленно подхватила его и неожиданно сильно прижала ко дну. Воздуха он набрал в лёгкие немного и поэтому поспешил наверх. Но струя снова, как будто смеясь над его попытками, давила и влекла вниз...

«Не хватало ещё здесь утонуть!» – молнией метнулась мысль.

Резким движением он ушел на глубину и, пересекая поток, вынырнул у самого берега. Волна ударила ему в лицо, и он закашлялся. Уже потом, сидя на камнях, он анализировал ситуацию и удивлялся своей неосмотрительности.

Ближе к обеду лениво пожевал колбасы, запил водой и побрёл в тень огромного тополя, что стоял прямо у воды, предвкушая отдых. Вот и славненько, вот и чудесно. Часок-другой поспим, а там и обед с вином подоспеет...

Как-то незаметно подкрался сон.

...вздрагнул и проснулся. Где-то рядом ещё раз стукнули камни. Тревога неприятно царапнула сердце. Он открыл глаза и, не поднимая головы, посмотрел в сторону звука. На той стороне реки стояли мальчишки с удочками, а с ними Славка, сын хозяйки, у которой они снимали угол. Славка помахал ему рукой, и он вяло махнул ему в ответ. Спать уже не хотелось.

Он встал и пошел к костру. Костёр почти умер. Тонкая струйка дыма, изгибаясь, тянулась к небесам. По небу ползли, как белые коровки, облака. Солнце ушло за гору и теперь не так пекло. По долине реки потянуло прохладой.

И снова это ощущение. Он резко остановился. Вот оно, это чувство. Почти осязаемое. В голове мелькнула догадка, и всё сразу же встало на свои места. Окинув взглядом горы, облака, реку, он узнал это чувство. Такое привычное там, в ледяных горах и на бурных реках, оно просто растаяло здесь. Растаяло, но не исчезло. А теперь, как бы напоминая ему о себе, встало в полный рост. Тревога ожидания ...

Купаться расхотелось окончательно, и он медленно пошёл к домикам аула, которые, как игрушечные, рассыпались по склону горы. Шёл, неуклюже переступая в шлёпанцах с камня на камень, и ему вспомнились такие же камни, камни таежной реки под его ногами, но только холодные и скользкие, по которым он нёс на себе Сашку. Вдребезги переломанного и непрерывно стонущего Сашку.

Камни реки Кинзелюк...

1. Штурман

«Его грохот нами был услышан неожиданно, и хотя мы стояли на скалистом выступе гораздо выше порога...»

Мы читали эту книгу и готовились к встрече с этими порогами. Не вина авторов в том, что они не в полной мере описали характер препятствий. Всё-таки, 51-й год издания. Таёжные "вертепы", каньоны... Общее впечатление. За другим они шли сюда, и цель у них была другая – наука. Какой там сплав!

А мы пришли на эту реку совершить сплав.

Пришли... Тогда мы иронизировали, обсуждая слова альпинистов о том, что горы умеют говорить.

А горы сейчас нам говорят: «Попробуйте теперь уйти...»

Что-то я стал суеверным.

Попробуем!

*Из дневника штурмана. (12.08.87г.) /Последняя запись/
«Дождь. Устал. Опять дождь...»*

Он бесконечно устал от дождя, от промозглых туманов, от тусклого, размытого пятна света на том месте небосвода, где должно быть солнце, от пахнущей тиной и потом парной влажности анорака и брезентовых шароваров.

Брезент одежды уже не держит влагу, и поэтому каждый его проход под завалами или между кустами он старается совершить максимально аккуратно, и если это не удаётся, он тихо шипит. А сознание исподволь ожидает того момента, когда ему необходимо присесть, чтобы пройти завалы деревьев: тогда в лицо ударяет, вырываясь из горловины одетого на голое тело и влажного анорака, смрадный дух прелой ткани, грязи и пота. А сверху ветви деревьев бросают на голову и спину пригоршни ледяных капель с листьев...

– Всё, больше не могу! Сесть. Отдохнуть. Формально...– и он сел, вернее, рухнул на пропитанный водой мох.

Звуки... Десятки звуков окружают его.

Туп-туп-туп...

«Дождь. С листа на лист...»

Шуу-у-у...

«Ручей, который я только что перешел...»

Тра-тра-тра...

«Вот и кедровки заорали. Скоро дождю конец. Звука шагов по тропе не слышу, значит, я один...» – он отодвинулся от ствола дерева, к которому прислонился спиной и, наклонив голову к тропе, прислушался.

«Река, что протекает внизу, не шумит. Странно, неужели я ушёл так высоко по склону? Да и ладно, здесь бы он уже кричал... А крик в каньоне я услышу! Значит, он ниже, гораздо ниже! Или?... Прочь мысли! Прочь!»

Смятая банка из-под тушенки для приготовления чая, с собой, в маленькой сумке на поясе – вот она. Там же нож, спички в непромокаемой упаковке и маленький свиток бересты. Брусничный лист – рядом. Горячий чай сейчас просто необходим – иначе сдохну, – мысли сбивали одна другую. – Ведь неизвестно, сколько мне ещё его искать. Пока не найду – не уйду! Не думать! И об остальных не думать! Их там трое, а Сашка... Спички и костёр. Чётко и спокойно».

– Собраться и сделать! – проговорив это вслух, он огляделся по сторонам и встал.

Пройдя по тропе еще метров тридцать, вышел на открытое место и остановился, осматривая склон. О сухих дровах, или, как говорят охотники, – «сушняке», не приходится и мечтать. Дождь две недели подряд, крутые склоны, заросшие ивняком. Ни одного кедра поблизости. Справа, из глубокого распадка, дополняя мрачную картину, серой змеёй высунулась «головка» конуса лавинного выноса. Посидел, сосредоточенно глядя прямо перед собой.

Вынос. Вынос... Вынос!!!

Через полчаса он уже насобирал кучу дров (того самого сушняка), бродя по периметру конуса. Лавина в Саянах – чистильщик распадков, и она выносит из глубины гор всё, что оказывается на её пути.

Обтер руки о мокрый насквозь анорак, критически осмотрел их, и страдальчески сморщившись, запустил обе ладони под резинку шароваров. Греть и сушить руки таким способом его научили эвенки. Этот прием всегда спасал, надёжно и безотказно.

Пламя костра успокоило...

Два этих проклятых камня показались из-за поворота совершенно неожиданно, и резкий удар о них поставил катамаран на дыбы. Скала, которая казалась такой далекой и безобидной, вдруг начала «валиться» на правый борт, заслоняя небо с мертвенной неизбежностью. От несуразности происходящего, мгновенно пересохло во рту.

«Не может быть! Ведь мы такие... Ведь так всё!...»

И холодный поток поглотил его. Широко открытые глаза фиксировали мириады белых воздушных пузырей, которые рвались вверх и окружили тёмное тело катамарана, там, наверху...

Ужас, животный ужас пронзил его сердце. Руки судорожно попытались вскинуться вверх. Но весло, которое он удержал в правой руке, теперь выворачивало эту руку и не давало выйти ему на поверхность. Старенький спасательный жилет не мог справиться с навалом такой огромной массы воды.

Снова стало темно, затем опять мелькнуло темное тело в изумрудном свете... Снова темно... И удары, вернее – шершавые скребки по всему телу. Рук и ног не было. Не было ничего, кроме этой дикой силы, которая мяла, выворачивала и гнула его тело...

Костёр – это было сейчас совсем неплохо. Он жадно вдохнул горячий воздух с дымом и судорожно закашлялся. Откинувшись назад и протирая рукой глаза, он увидел, нет, скорее в сотые доли секунды проанализировал представшее перед ним...

На противоположном от него берегу каньона, среди мешанины вывороченных половодьем корчей, наплывов грязи и останков горелого стланика маячило яркое алое пятно спасательного жилета.

Сашка!!!

Жаром полыхнуло по лицу. Он вскочил и, не разбирая дороги, бросился вниз, сквозь заросли ивняка.

«Только бы, только бы, только бы...»

Выскочив на склон, покрытый каменистой россыпью и увидев реку, закричал, как раненый зверь.

Река не оставляла ему ни малейшего шанса. До этого весёлая, изумительно красивая, подмигивающая разноцветными искорками радуг на султанах пенных валов, теперь она превратилась в исчадие ада: тяжело ворочающийся, грязный, даже на вид отвратительный, поток вызывал омерзение и страх. Его утробный гул, казалось, тянул в сырую пасть каньона.

Лихорадочно оглядев крутой склон, он начал спускаться вниз.

– До кустиков. Только до кустиков и там отдохну. Боже, как же я... – шептал он.

Это были не кустики, а верхушки деревьев: вершины елей подступили к самым скалам и сверху казались безобидной порослью.

Уже поняв свою ошибку, он инстинктивно, как кот, перевернулся в воздухе и упал на живот. Левая рука ударилась о крупный камень, от чего на запястье расстегнулся и теперь, матово поблескивая, свободно болтался браслет с часами. Уже позже вспоминая, как всё происходило, он совершенно ясно припомнил, что тогда стрелки часов показывали 11-30.

2. Берег

Куруммы – значительные по площади скопления горных пород, залегающие в виде плаща на горных склонах и вершинах.

Куруммы, испытывающие поступательное движение вниз по склону, нередко образуют Каменные реки.

БСЭ, т. 12, стр. 226

«Курумник! Всё!»

Цепляясь обеими руками за камни, он явственно, всем телом чувствовал слабое, но равномерное движение камней вниз. Неужели каменная река?!

Подавляя в себе желание оглянуться через плечо, он, уткнувшись лицом в камень, резко, как мог, разбросал в стороны ноги и руки и затих. Движение потока камней не прекратилось.

«Бежать! Вскочить и бежать!»

По камню, в который он уткнулся головой, тихонечко полз какой-то паучок... И эта обыденность текущей рядом с ним жизни поразила его. Нет, не поразила, – успокоила. Скосив глаза в сторону, он увидел, что лежит, вернее, медленно «проплывает на камнях», рядом с маленьким, не более метра, замшелым островком земли. Ошметки мха, две побитые камнями кочки и чахлое деревце. Но всё это разместилось на кусочке земли! Решение пришло мгновенно. Не раздумывая, он швырнул себя к этому оазису жизни! И уже в последний момент успел схватиться за комель деревца. В то же мгновение раздался гул рухнувшей в пропасть каменной массы...

Трясушейся рукой он вытер лицо. Под ладонью чувствовалась каменная крошка. Сидя на островке, он видел, как ещё продолжают падать в реку камни, поднимая фонтаны грязной воды. Ухмыльнулся, подумав: «Паучка, бедолагу, жалко...»

Медленно, выбирая наиболее крупные камни и опираясь на них коленями, а порой и локтями, он начал двигаться вверх.

– «Не бояться! Главное – не бояться! Доча моя маленькая! Держи меня своими слабенькими рученьками!» – так он шептал всегда, когда ему приходилось выполнять опасную работу или принимать сложное решение.

Время застыло. Медленно, как в тугом тумане сна, он двигался вверх по стенке обрыва. В некоторых местах это был почти отвес... Но всё же настал тот момент, когда его глаза увидели траву, покрывающую край этого жуткого провала. Ещё рывок, и он выполз на ровную и твердую площадку над обрывом. Лёжа на спине, он чувствовал, как жаром горит его лицо. Перед глазами колыхались ветви стланика, сквозь которые он видел кучеряшки облаков.

«Края, края-то у них какие-то плоховатые, серые. Не дай боже...»

И словно подслушав его тревожные мысли, за ближайшей горой глухо проворчал, пока ещё далекий, гром. Из распадка, словно чей-то слабый выдох, вырвался и умчался вниз по реке порыв свежего ветерка. Верхушки деревьев закачались, зашумели.

– Вот только этого мне сейчас и не хватало! – от досады он сжал зубы.

Затем встал и начал медленно подниматься наверх каньона. Подъем не занял много времени. Взгляд его устремился на то место противоположного берега, где тревожно алело яркое пятно.

– Как капля крови... Тьфу ты, черт подери! Не об этом надо сейчас. Не об этом! Спуск! Надо найти спуск к воде. И перестань хлюпать соплей, сволочь! – вслух обругал он себя.

Обогнув огромный обломок скалы, вышел к узкой расщелине, которая, как ножом прорезав скальную грядку, спускалась к самой воде. Движения его сразу же стали мягкими, как бы вкрадчивыми. Перед ним тотчас исчезла тайга и отошли на второй план звуки, что окружали его. Он начал спускаться по расщелине к воде. Его ладони нежно обхватывали гребни

камней, колени прижимались к изгибам скал и провожали движение тела до момента отрыва от камня...

И вскоре под подошвами его ботинок заскрипела галька берега. Вернее сказать, это было некое подобие берега. Маленькая, не более двух метров в длину коса, местами покрытая слоем наносной грязи. На ней не было ничего, что подошло бы для организации переправы. Ни бревен, ни коряг – ничего.

– Скучно, дядя. Надо снова вверх. Травку-то мы там, наверху, найдем. И анорак – то мы ею, родимой, набьем. А вот спасательный жилет зря сбросил, пока бежал... – говоря это, он начал движение вверх.

Поднявшись на борт каньона, начал рвать руками сочную траву. Куча сорванной травы росла медленно, но он и не торопился. Эта операция была на данный момент самой ответственной.

Примерно через час он остановился, критически посмотрел на кучу травы, и остался доволен сделанным.

Снял пропитанный потом анорак, завязал узлом его рукава, застегнул молнию ворота и начал набивать этот псевдомешок травой. Вскоре перед ним, на траве, лежало чучело без ног и головы. Расшнуровал ботинки и одним шнурком перевязал поясную часть анорака. Второй шнурок он разорвал пополам и снова, очень тщательно, зашнуровал ботинки. На комаров, которые безжалостно жалили его голый торс, он не обращал никакого внимания. Посидел на пенёчке, чувствуя, как внутри всё сжимается и в ушах возникает тонкий-тонкий звон. Затем поднялся и, взяв на руки смешно растопыренного уродца, начал спускаться по расщелине. Снова подул ветер, но уже сильный. Порывы его гнали рябь по реке.

Начинался мелкий дождь.

«Дождь в дорогу – к счастью!» – с этой мыслью он вошел в воду...

3. 6000 шагов

Шатаясь и судорожно прижимая к себе штормовку с остатками травы внутри неё, он вышел на противоположный от места старта берег. И буквально рухнул на камни.

Дождь, который слегка накрапывал перед началом его переправы, теперь превратился в ливень. Вся поверхность реки буквально кипела от вздувающихся воздушных пузырей. Над водой начал подниматься тонкий слой тумана.

«Отцу... Сейчас бы... Бутылку... За куртку... За...» – дыхание сбилось, и он, чтобы успокоиться, откинулся спиной на валун, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Перед его глазами возникли эпизоды далёкого детства. Маленький, затерявшийся в якутских горах посёлок с необычным названием Аллах-Юнь. Название своё он получил от имени реки, на берегу которой расположился. Сухое и очень жаркое лето шестьдесят восьмого года. Беспшашные мальчишки на «купалке». Так они, пацаны посёлка, называли процесс купания в реке. Но купались они не в самом Аллахе, как сокращённо называли реку, а в речной протоке, которую образовала река. Тихая, неглубокая и умиротворённая, по сравнению с «шипящим» течением самого Аллах-Юня, протока не вызвала опасения у родителей, и поэтому они отпускали мальцов на «купалку» спокойно.

Кто тогда высказал мысль переплыть Аллах, он не помнил, но вызвались двое. На самом деле, к реке, что текла в ста метрах от протоки, побежали все.

Галдя и смешно подтягивая на бегу черные сатиновые трусы, толпа мальчишек ринулась на берег Аллаха. Он также свистел и улюлюкал, как все, когда бежал. Но одно он запомнил – запомнил на всю жизнь. Спины... Потные спины бегущих впереди, спины тех, кто мешал ему разогнаться перед прыжком в воду.

Он был из тех двоих, кто решился ...

Разбег и толчок. Последнее ощущение берега – тёплая, нагретая солнцем галька под пальцами ног. Она знакомо хрустнула, отдавая тепло ступням.

И сразу же холодный поток реки подхватил его. Он вынырнул, взмахнул несколько раз руками. Скорость течения была слишком большой. Его сносило «по стрежню». И перебить эту струю, в силу своих мальчишеских возможностей, он не мог.

«Не борись, никогда не борись с водой!» – эти слова отца, сказанные год назад, вдруг явственно прозвучали в его душе. И как бы подсознательно, внемля словам отца, он перестал биться с потоком, поднял голову, мельком увидев заснеженные вершины массива Тарбаганах, и перевернулся на спину. В этом стиле плавания – на спине, ему среди пацанов посёлка не было равных. Он резко выдохнул и сориентировал положение тела относительно главной струи.

«Вдох. Выдох. Задержка. Вдох. Выдох. Работать! Задержка...»

Темп движения он набрал приличный, и вскоре его руки коснулись противоположного берега Аллаха. И только на берегу его обуял страх – он остался один, потому что второй мальчик вернулся обратно, не проплыв и десятка метров. В сознание начало закрадываться сомнение в том, что он сможет переплыть обратно. Он долго сидел на берегу, пытаясь собрать силы и отогнать страх. Мальчишки, которые свистели ему и махали руками с того берега, затихли, почуяв неладное. Он встал и пошел по берегу вверх по течению реки, зная, что таким образом он сделает свой снос минимальным.

Взгляд его лихорадочно перескакивал с предмета на предмет, мысли никак не настраивались на нужный лад. Он медленно шел по песку, и вскоре стайка мальчишек скрылась за поворотом. И тогда он шагнул в воду и медленно поплыл, подсознательно боясь удалиться от берега. Но течение реки само плавно отнесло его почти к противоположному берегу. Сделал последний рывок и, когда его ноги почувствовали дно, он встал и заплакал. Плакал навзрыд,

захлёбываясь и поскуливая. Но в это же время чувствовал, как в душе рождается новое, неизвестное ему до этого чувство.

Победа! Это была настоящая победа!

Из воспоминаний его вывел холод. Он начал освобождать куртку от остатков травы. При этом руки его тряслись, а взгляд постоянно возвращался к краю того участка берега, который виднелся из-за скалы. Там, за этой покрытой плесенью и мхом скалой, сверху он видел неподвижно лежащего Сашку...

Страх.

Страх бестолково метался в голове серой птицей, сбивая четкие углы опыта и уверенности. И опереться сейчас он не мог ни на кого. Отрешенно, будто чужим взором, он смотрел, что на той стороне каньона, в улове, бьёт волною о скалу и треплет кевларовое весло.

«Наше. Кто-то упустил при перевороте катамарана... Все там, вверху. Его одного сюда принесло. Всё, надо к нему...»

И он, отбросив в сторону штормовку, решительно направился к скале...

...руки Сашки были совсем холодные.

– Саня! Только не молчи! – он мычал эти слова, рыдал их сквозь зубы. Взгляд его перебирал резкие, как выпуклые куски действительности. Камень, серый мох на нём в капельках влаги...

Сломанная ветка, вся в грязи... Ему хотелось проснуться, убежать от этой невозможной действительности, умереть... Ему казалось, что где-то глубоко внутри его, внутри насмерть перепуганной души встал и действует кто-то другой, а он просто смотрит на всё происходящее сторонним наблюдателем.

«Рот... Чисто. Плоский камень под шею... Бог с ним, с затылком. Некогда. Позвоночник... Не знаю. Прямо положить, на всякий... Желтый холод рук Саши... Потом тереть... Вдох. Ладони на сердце. Выдох в рот!.. Ну, давай!.. Вдох. Ладони! Выдох!.. Ну, давай же, давай! Не могу больше... По щекам!... Сашка!!! Ху – ху! Вдох. Умираю...»

Всхлип! И тут же тёплая струя ударила ему в лицо.

Стерев со своего лица Сашкину рвоту, он перевернул его на правый бок.

– Умничка ты мой! Я сейчас поднимусь, и мы тебя посмотрим! – он говорил это, глядя на содрогающегося в припадках рвоты Сашку. – Руки-то, руки какие вялые... Даже сжать кулаки не могу. И покалывает их. Неприятно...

Вернувшись за скалу, он развязал штормовку и, вытряхнув остатки травы из неё, оделся: «Ну, золото моё, держись!»

Бегло осмотрел и ощупал руки и ноги Саши, особо обращая внимание на суставы: «Перелом, ещё перелом... М-да. Гематомица-то какая! Опять перелом. А вот здесь... Нет, не уверен!»

Окончив осмотр, он снял с Саши спасательный жилет и оторвал с него всё ремни. Подойдя к завалу деревьев, выбрал ствол с очень толстой корой и ударами камня стал сбивать её целыми пластами. Вернувшись к неподвижно лежащему товарищу, начал прикладывать к местам переломов его рук и ног пласты коры, плотно перевязывая их ремнями от спасжилета: «Какие–никакие, а всё-таки шины».

Вскоре эта работа была закончена.

Рывком подняв друга, он подсел под него и взвалил на своё плечо. Постоял немного, как бы привыкая к ноше, и двинулся вдоль кромки воды, шатаясь и неуклюже переступая на скользких прибрежных камнях...

...когда впереди снова замаячила скала.

«Опять скала! И пройти вдоль неё по воде не смогу – глубоко. Надо вверх – на прижим взбираться. А как!? С Сашкой-то как!?» – снова волна отчаяния рвала его душу в клочья.

Он осторожно опустил свою ношу, стараясь не обращать внимания на стоны, сел на камень и задумался. Сколько прошло времени с того момента, как он начал нести Сашу, он не знал – потерял часы при переправе.

Два первых прижима дались легко.

– Славно, что он весит, как рюкзак... Опять потерял сознание. И что делать теперь? Что делать?! – он проговаривал это вслух, пытаясь найти ответ.

Ответа не было.

Идти, только идти!

И снова перед его глазами начинали мерно, в такт его шагов, качаться ветви ивняка.

Сначала он шёл, неся на себе Сашу. Затем он полз, таща его за собою. Тропа, где тропа? Умираю, мать... Воды... Сейчас тебе будет вода – опять скала...

Мох сползал под грузом тела. Мох мешал, мох раздражал. Он тянул Сашку по мху под брёвна завалов, затем переползал через бревна сам, поднимал его гуттаперчевое тело, переваливал через следующие, сгнившие, покрытые мхом, стволы, затем снова переползал сам... Сбивал со сгнивших стволов деревьев острые сучья – «поторчины», снова поднимал тело...

И снова скалы. И снова мох. Мох, сырой мох... Ничто не держит!

А руки цеплялись и цеплялись...

Шесть километров. Шесть тысяч шагов. Саша умирал на каждом из них.

Шесть тысяч смертей...

Эпилог

...как резко увеличился шум двигателей, и стукнули колёса шасси о бетон взлётной полосы. Он открыл глаза.

«Уважаемые пассажиры! Наш самолёт произвёл посадку в аэропорту «Емельяново» города Красноярск. Просим Вас не вставать с кресел до полной остановки... Температура... Дождь... До города Вы можете доехать на... Командир корабля...»

Спускаясь по трапу, он увидел лужицы воды на асфальте взлётной полосы. Лужицы от дождя, в которых отражались разноцветные огни аэропорта.

Навстречу ему бежала младшая дочь. Бежала, раскинув руки, желая обнять. Так торопилась к нему, что даже уронила букет! Доча, доченька...

– ...Лужицы от дождя, а вернее – озёра. Озёра в открытых глазах Сашки. Озёра, в которых отражался Кинзелюкский водопад.

Он его не донёс...

Плот

Было начало сентября.

Мы всегда приезжали с отцом в устье маленькой речушки, со странным названием Сахара, в сентябре. Не очень широкая – не более двадцати метров, лохматая от множества небольших каменистых перекатов, она стремительно несла свою мутноватую от золотистых песчинок бирюзу к зелени вод большой Реки. Разноцветные галечные косы её берегов обрамлялись огненно–оранжевым осенним пожаром засыпающей лиственничной тайги. Место слияния двух рек было открытым, каким-то невозможно–чистым. Почти домашним уютom веяло от старого древесного завала на выносной косе, омываемой водами двух рек. Старые стволы этого завала нагревались на солнце и пахли вымытой, чистой древесиной с привкусом хвои и смолы – как полы в светлой и просторной горнице. Солнечные лучики били сквозь беспорядок этих стволов, и было видно, как колышутся от прикосновений теплого ветра ниточки паутинок, что неслись по воздуху из тайги, да и застряли, зацепившись.

Противоположный от впадения речушки берег Реки был высоким, почти отвесным и блестяще–черным. Абиссиновую черноту ему придавали пласты каменного угля – Река в этом месте уткнулась своими водами в огромный угольный массив. Уткнулась, да и обогнула его – ушла на мягкие, податливые галечники. Так образовалось наше Место.

Целью наших ежегодных визитов в это Место была рыбалка. А точнее сказать – сезонная заготовка хариуса под засолку, как говорили, «в запас под зиму».

Жили мы не зажиточно, впрочем, как и все в те времена. «Те времена» – это середина шестидесятых. Северо–восток Якутии. Рабочий поселок горнодобытчиков. Пять или шесть улиц, старый клуб, школа. Из дорог – только Трасса. Трасса насквозь проткнула своей пылью поселок и шла дальше – на прииск и золотодобывающие полигоны.

Золото – это государственные дела, строгости всякие. Колючие взгляды из-под кокард, усталые – из-под ушанок или косынок. Рев промывочных приборов, гул воды гидромониторов, скрип телеги, что развозила воду по поселку, звон колючей проволоки на сгнивших столбах в распадках...

О золоте – в следующий раз, а сейчас о жизни. О ней – настоящей, лишенной ярких красок, громких звуков, угловатой и твердой на ощупь. Эта жизнь не баловала – смотрела и спрашивала строго, безо всякого снисхождения. Вот и ехали, плыли, шли мальчишки с отцами за добычей для семей.

Итак – наше Место. Маленький, белобрысый, шмыгающий носом человек на берегу, в больших болотных сапогах с противогазной сумкой через плечо – это я. Руки мои, которые крепко держат бамбуковое удилице, все в трещинах – цыпках. Эти цыпки – результат переохлаждения рук в воде. Они от постоянного общения с солью при закладке рыбы в бочонки, от холода лодочного мотора, от углей костра, от ружейной и моторной смазки. Они – следствие трудной, далеко не детской работы.

Все русло речки пестрело большими и малыми камнями – было перекатным. Надо было очень осторожно заходить на середину потока, чтобы «облавливать» оба берега. Течение тут было довольно шустрое, и опасность быть им поваленным реально существовала.

Я быстро приловчился заходить на середину речки – шел от камня к камню, балансируя руками над потоком. Вот только брызги от бурунов сильно студили ладони рук.

Отогрев ладошки дыханием, я насаживал червяка на крючок и забрасывал уду на стрелень течения, плавно выводя поплавок за камни – там, в тишине, стояла рыба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.